

Цинсю считала себя человеком не самым интересным: она не любила видеоигры, не жаловала походы по магазинам и большую часть времени проводила дома. Конечно, изредка она могла посмотреть фильм или полистать мангу, изучить пару приемов фотографии или приготовить какой-нибудь десерт. Нельзя сказать, что эти увлечения занимали в её жизни главное место, но сам процесс приносил ей удовольствие.

Янь Миньюй была совсем другой.

Ей нравилось выбираться наружу, впитывать всё великолепие природы: солнечный свет, дождь, морской берег, бескрайние луга... Девушку тянуло исследовать всё, что имело яркие краски. Круг её интересов был огромен: сладости, музыкальные инструменты, рисование, танцы, путешествия. Возможно, она не была мастером на все руки, а к некоторым вещам и вовсе не прикасалась, но выигрывала за счет невероятного энтузиазма.

Взять хотя бы эти яичные тарталетки: стоило Цинсю лишь вскользь упомянуть о них, как Янь Миньюй тут же воодушевилась, засучила рукава и была готова ринуться в бой.

Рецепт был прост: разложить готовые основы, залить их яичной смесью — как раз по шесть штук на противень — и отправить в духовку на тридцать минут.

— Сестренка, давай я! — воскликнула она.

— Будь осторожна, не обожгись.

Цинсю помогла ей надеть прихватки. Аромат выпечки уже заполнил всю комнату, заставляя невольно сглатывать слюну.

— Ух... — даже через толстые рукавицы Янь Миньюй чувствовала, как сильно пышет жаром противень.

Цинсю невольно усмехнулась. Заметив, что у девушки растрепались волосы, она не удержалась и поправила выбившуюся прядь, заправив её за ухо.

Глядя на то, как девчушка уже долгое время пытается что-то произнести, но лишь невнятно бормочет, Цинсю рассмеялась в голос и легонько уцепила её за щеку:

— С выражением мыслей у тебя беда. Может, помочь тебе подтянуть русский язык?

Янь Миньюй серьезно закивала, вытянувшись во фрунт перед тарталетками, словно только что получила важнейший приказ.

Взрослые всегда хвалили её за зрелость и рассудительность, но разве зрелость и

рассудительность — это те слова, которыми описывают восемнадцатилетнюю девушку?

К сожалению, когда Цинсю осознала это, исправлять что-либо было уже поздно. Порой, глядя на других девушек, которые так игриво и кокетливо строили глазки, она невольно и сама начинала улыбаться — точно так же, как сейчас, глядя на Янь Минъюй.

— Я ведь раньше никогда не готовила, откуда мне знать, что края теста такие горячие...

— Потерпи, пусть остынут, потом съешь.

Не успела она договорить, как Цинсю поспешно схватила её за руку и подставила под струю холодной воды. Она продолжала ворчать, пока смывала жар:

— Ну вот, слова не понимаешь, неумеха.

— Ты такая милая.

— Сестренка... — тихо пробормотала та.

Янь Минъюй вспыхнула. Она ведь ничего особенного не сделала, но сестра никогда не скупилась на похвалу. А так как девушка была очень застенчивой, каждое доброе слово неизменно приводило её в замешательство.

— Только из печи, как думаешь, вкусно?

— Ой, я буду осторожнее!

— Ай!

Хорошо хоть волдырь не вскочил.

Янь Минъюй надула щеки. Веснушки на переносице, казалось, потемнели вместе с её зардевшимся лицом, отчего она выглядела одновременно виноватой и обиженной.

Стоило ей начать капризничать, как Цинсю тут же теряла всю свою строгость. Сама она не умела кокетничать: может, в два-три года она еще могла пошалить на руках у мамы, но с тех пор, как повзрослела, в её речи почти не осталось подобных интонаций. Кто-то однажды упрекнул её в холодности, назвав роботом, и она долго тренировалась, чтобы в конце концов заслужить репутацию мягкого в общении человека.

Тарталетки получились золотистыми и нежными, на вид — невероятно аппетитными.

Янь Миньюй, не удержавшись, сорвала прихватку и потянулась к выпечке, но тут же отдернула руку, едва не подпрыгнув от жара.

— Ладно, в этот раз точно буду слушаться.

Цинсю с легкой досадой посмотрела на покрасневший палец.

На самом деле, ожог был пустяковым — скорее всего, Янь Миньюй просто не была готова к температуре, поэтому так бурно отреагировала. Под холодной водой всё быстро прошло. Получив порцию нотаций, Янь Миньюй в ответ лишь показала язык.

Цинсю убрала руку и протянула ей остывшую тарталетку:

— Ешь, больше не горячо.

Простые девчонки — самые отходчивые: стоило дать ей вкусность, как она тут же забыла все подколки.

— Будешь чай с молоком? Осталось немного заварки, давай сварим.

Цинсю сама откусила кусочек — нежное, тающее на языке лакомство, оставляющее долгое приятное послевкусие.

— Сестренка, ты такая молодец, всё умеешь! — Янь Миньюй смотрела на неё глазами, полными обожания.

Цинсю явно пришлись по душе эти восторги. Обычно, когда она занималась домашними делами, никто не давал никакой обратной связи, и она воспринимала это как обычную рутину. Но, видя, как радуется Янь Миньюй, она сама заразилась этим азартом.

Она ловко засыпала заварку и сахар в кастрюлю, помешивая смесь, а когда сахар начал пузыриться, плеснула воды. Янь Миньюй, словно любопытный кот, то и дело заглядывала ей через плечо.

— Что там интересного? — Цинсю прижала ладонь к её голове. — Подай-ка две пачки молока.

— Хорошо!

Кухня была тесной, поэтому им постоянно приходилось протискиваться друг мимо друга.

На долю секунды Цинсю почувствовала мягкое прикосновение к спине и невольно

выпрямилась, делая вид, что увлеченно мешает сироп.

Янь Миньюй вернулась, держа в каждой руке по пачке молока:

— На, — заметив, что уши Цинсю слегка покраснели, она удивленно спросила: — Сестренка, тебе очень жарко?

Цинсю тихо кашлянула и, вскрыв пакеты, вылила молоко в кастрюлю:

— Немного. Наверное, от пара.

— Тогда я открою окно... — она снова попыталась проскользнуть за спиной Цинсю, но та схватила её за локоть.

— Оставь. Давай лучше еще тартелеток напечем?

Янь Миньюй показалось, что сестра ведет себя странно, но она послушно кивнула.

Вскоре чай был готов. Прощедив заварку, Цинсю разлила напиток по чашкам и первую подала Янь Миньюй.

— Ну как?

Янь Миньюй сделала большой глоток и подняла большой палец:

— Вкусно!

Цинсю тоже попробовала, прислушиваясь к ощущениям:

— Кажется, горчит. Наверное, сахара мало положила.

— Это же вкус настоящего чая, слишком сладко тоже не очень хорошо.

Хотя она и любила сладкое, но, в отличие от покупного чая с молоком, где даже «половина сахара» кажется приторной, ей больше нравился этот вариант с легкой горчинкой — так было гораздо приятнее.

Видя, что та довольна, Цинсю успокоилась. Сделав еще пару глотков, она вернулась к противню, чтобы разложить новую порцию теста.

Так они и провели время — за готовкой, едой и чаепитием. Духовка то и дело издавала звонкий сигнал, и маленькая комнатка наполнилась счастьем, которое приносят домашние сладости.

Однако, когда они наелись досыта, возникла проблема.

Результат стремления к свободе в поедании тарталеток оказался печальным: их получилось слишком много, и съесть всё было не под силу. А яичную смесь, раз уж открыли, нужно было использовать сразу, иначе она пропадет.

Вот незадача.

— Что будем делать с остатками? — Цинсю отпила чаю, чувствуя, что об ужине можно забыть.
— Может, угостим твоих одноклассников?

Вопрос прозвучал глупо, и, осознав это, Цинсю неловко прикусила соломинку.

— Но сейчас же каникулы, в школу мы не ходим, как я им передам... — Янь Минъюй откинулась на спинку стула. Она ведь почти ни с кем в классе не общалась, кроме соседки по парте Чжоу Цзяи, и ни с кем из остальных не сказала больше пяти слов. — А твои друзья, сестренка? Вы не встречаетесь на каникулах?

Та худощавая девушка вчера, и высокая девчонка с короткой стрижкой, которую они как-то встретили в столовой... Они казались близкими подругами Цинсю.

Цинсю молча пила чай, опустив глаза:

— У каждого из нас своя жизнь.

Янь Минъюй внимательно следила за её мимикой:

— Сестренке, похоже, не нравится заводить друзей. — А если точнее, подумала она, ей не нравится поддерживать отношения. Ей казалось, что сестра привыкла быть одиночкой, и ей не так уж важно, остаются люди рядом или уходят.

Цинсю приподняла бровь.

— Вот как? А все говорят, что я легкий в общении человек.

— Ты очень располагаешь к себе, сестренка, но вот чтобы кто-то смог расположить к себе тебя — это вряд ли, — Янь Минъюй повертела в руках пустую чашку, полушутя-полусерьезно.

Это была шутка, но по реакции Цинсю было видно — над этим вопросом она задумалась всерьез.

Впрочем, даже проницательная Янь Минъюй не смогла разгадать её мысли. Цинсю помолчала, затем встала, достала из кухонного шкафа несколько небольших картонных коробок и начала аккуратно укладывать в них тарталетки.

Янь Минъюй внезапно осенило.

— А давай угостим дядю и тетю с нижнего этажа? — Она еще не отблагодарила их за прошлую помощь! Да и соседи они замечательные: иногда на улице можно встретить дядю, который забирает ребенка, а тетя всегда приветливо здоровается, когда она входит в подъезд.

Цинсю, очевидно, была того же мнения:

— Отличная идея. Ян-Янь, иди собирайся, а я пока тут приберусь.

Сказав это, она обернулась и обнаружила, что за спиной тишина.

Янь Минъюй теребила край кофты, выглядя растерянной:

— Может, я подожду тебя, и мы пойдем вместе?

Хоть она и могла поздороваться с соседями, но они всё же были чужими людьми. А стоило ей увидеть незнакомца, как она начинала запинаться, краснеть и мечтала провалиться сквозь землю. Отправить её одну общаться и дарить подарки — это всё равно что казнить.

Неизвестно, показался ли Цинсю забавным этот смущенный вид, но она тихо рассмеялась:

— Хорошо, малышка.

Тарталетки в бумажных коробках выглядели очень достойно — почти как в дорогой кондитерской.

Спускаясь по лестнице, они зашли в несколько квартир. Все — и старики, и семейные пары — принимали угощение с улыбками. У тети Ван, живущей этажом ниже, как раз подрастали двое сыновей, которые тут же пустили слюнки при виде ароматной выпечки. Янь Минъюй отдала им лишнюю коробку, и тетя Ван, смущенная такой щедростью, не переставала благодарить.

— Дабао, Эрбао, скажите спасибо сестренке!

— Спасибо, сестренка! — пролепетали дети, прижимая коробку к груди.

Янь Миньюй спряталась за спину Цинсю и, вторя ребенку, улыбнулась:

— Не за что!

— Как ты, дочка, получше уже? — тетя Ван отогнала детей играть и повернулась к Цинсю.

Цинсю не ожидала, что она помнит об этом, и с благодарной улыбкой кивнула:

— Да, всё в порядке, спасибо вам.

— Ну и славно. Если что нужно — обращайся, не стесняйся. Я ведь смотрю, ты тут уже несколько лет живешь, каждый день мимо ходишь, совсем взрослой стала!

Улыбка тети Ван, морщинки в уголках её глаз — всё это так напоминало маму Цинсю, только у той не было столько седины.

У Цинсю защемило в груди, она поспешно опустила взгляд. Впервые за долгое время ей нестерпимо захотелось домой, к маме. Мама ведь еще утром звонила и спрашивала, не хотят ли они с Янь Миньюй приехать погостить на пару дней.

Янь Миньюй почувствовала, как настроение сестры резко упало, и поспешила вмешаться:

— Тетя, нам пора идти, до свидания! Желаем вам отличного дня!

Когда дверь закрылась, Янь Миньюй посмотрела на Цинсю. В её глазах уже не было грусти, она смотрела прямо на неё.

— А кто-то говорил, что боится общаться с незнакомыми людьми...

Янь Миньюй неловко усмехнулась. Она сама не знала, почему так вышло — просто в тот момент не успела испугаться. Главное, что с сестрой всё было хорошо.

— Когда ты рядом, мне ничего не страшно!

Они обменялись улыбками и, держась за руки, поднялись на свой этаж.

В тот момент они еще не знали, что это маленькое доброе семя, которое они посеяли сегодня, в недалеком будущем принесет свои удивительные плоды.

<http://bllate.org/book/18854/1838550>